ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН 17.1
О 634

ЭЖ—

Украинская Социалистическая Советская Республика.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

ЕН171
0634₂

Л. Троцкий.

Организация Красной Армии.

Доклад Л. Троцкого на 5-ом Всерос. С'езде Советов Р., С., К. и К. Деп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Народного Комиссариата по военным делам Украины.
КИЕВ.—1919.

ЕН171
0634₂

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕН

(5 7/8 1930)

СФ 12152

30 7/3 36 с 1.

1062922

КИЕВ
Типография Наркомвоена № 1. Советская пл. № 3.
1919 г.

Доклад тов. Л. Д. Троцкого об организации Красной Армии.

Наши противники, а тем более наши враги,—хотя можно сказать, что ходом революции наши противники превращаются в наших врагов,—и те, и другие обвиняли нас в той или другой форме в том, что мы только постепенно, только с запозданием пришли к необходимости создать армию и притом армию, построенную на твердых, планомерных, научных началах.

Программа нашей партии, как программа всякой рабочей социалистической партии, отнюдь не говорит о разрушении и упразднении армии, а лишь о построении ее на новых демократических началах, на началах милиционных, на началах всеобщего вооружения.

Я скажу в дальнейшем о том, какое видоизменение получает этот принцип всеобщего вооружения в условиях революционной эпохи гражданской войны. Прежде, чем перейти к этому вопросу, надо спросить себя: почему же в таком случае исчезла старая армия, которая была армией регулярной и, в меру материальных и идейных сил и средств старого режима, построенной на научных началах?

Причина не в антимилитаризме революции, не в том, что революция отрицает военную оборону, как таковую, а исключительно в классовой структуре самой армии, в том, что эта старая армия, которая состояла, конечно, в своей массе из крестьян и рабочих, имела правящий аппарат, который так был построен, организован и воспитан, что эта

армия автоматически служила господствовавшему тогда классу, увенчивавшемуся монархической верхушкой.

Этого, разумеется, мы никогда не забываем. Нам кажется несостоятельным, ребяческим утверждение со стороны некоторых военных специалистов, будто бы армию погубила политика, и будто бы армия может существовать, как здоровый и боеспособный организм, только тогда, когда она поставлена вне политики.

Недавно один из видных старых генералов, Брусилов, поведал буржуазной печати по поводу воспоминаний Керенского, вышедших отдельной брошюрой, что распадение самой армии является процессом, вызванным революцией, как таковой, и указывает, что воссоздание боевых сил возможно лишь при обеспечении армии от политики. Под именем политики в этом утверждении фигурируют, разумеется, интересы рабочих и крестьянских масс, потому что никогда в истории не было армии,—ея нет и сейчас нигде, ибо это невозможно,—которая стояла бы „вне политики".

„Война,—говорит один видный немецкий авторитет Клаузевиц,—война есть продолжение политики, но только другими средствами", и армия данной страны подчинена политике данной страны.

— Армия царизма была ни чем иным, как вооруженной силой, построенной по закону и интересам политики царизма. Я не буду напоминать о внешнем вооружении и присяге на верность царю, о так называемом национальном гимне, который был гимном царизма, гимном византизма, о табельных днях, маневрах, парадах, обо всем том, что создавало атмосферу сгущенной царисткой политики вокруг армии, и укажу лишь на командный состав, превращенный в аппарат для подчинения крестьянских и рабочих масс требованию имущих верхов.

И если старая армия распалась, то не от тех или других зловредных лозунгов, не от тех или других недосмотров революции, а от того, что произошла революция, т.-е. возмущение рабочих и крестьянских масс против командовавших раньше имущих классов. Армия разделила судьбу всей ста-

рой России. Если распад России означал восстание крестьян против помещиков, рабочих против капиталистов, всего народа против старого царства бюрократизма и против самого царя, то распад армии был этим самым предопределен. Он был заложен во внутренней механике революции, в динамике ея классовых сил.

И когда нам теперь бросают обвинение в том, что октябрьская революция нанесла армии неисцелимую рану и разложила ее, то, товарищи, я, который этот период переживал в Петрограде, очень хорошо помню, как и многие из вас помнят, как в течение сентября и октября, до момента октябрьской революции, к нам, в Петроградский Совет, приходили делегаты от полков, дивизий, корпусов и целых армий и говорили: „Назревает в окопах нечто грозное. Армия не будет больше оставаться в окопах, если не будет сделано решительных шагов в сторону мира».

Тогда в окопах распространялись самодельные солдатские прокламации, в которых писалось, что мы остаемся до первого снега, а затем побросаем окопы и бросимся прочь.

И если эта, истощенная и внутренне пораженная армия,—пораженная прежде всего страшными внешними ударами со стороны германской армии, затем подлостью и бесчестностью царского режима и наконец обманом соглашательской буржуазии и наступлением 18 июня,—если эта трижды пораженная армия все-таки еще держалась в течение ноября, декабря, января при страшном отливе из окопов, то она была удержана только идейным натиском октябрьской революции.

Но возродить эту армию, как таковую, не могла уже никакая сила, ибо эта армия была внутренне разрушена, она должна была атомизироваться, распылиться,—каждый солдат, рабочий и крестьянин, должен был войти в свои трудовые соты, трудовые ячейки, чтобы оттуда, возродившись, он мог снова войти в новую армию, построенную сообразно с интересами и задачами новых классов, ставших у власти—рабочих и крестьян, не эксплуатирующих чужого труда.

Нам возражали: но ведь вы пытались построить армию на принципе добровольчества.

Я не знаю ни одного в нашей среде, который, когда бы то ни было, полагал, что принцип добровольчества является здоровым принципом в организации подлинно народной демократической армии. Принцип добровольчества применялся в Англии—державой хищнической,—для которой главная задача была во флоте, а флот не требует большого человеческого материала. Принцип добровольчества применялся Соединенными Штатами, которые до последнего времени не вели, вне Америки, империалистическо-захватной политики, потому что сама американская территория представляла широкий простор для американской буржуазии.

Но во всех странах буржуазно-демократических, принцип всеобщей воинской повинности был навязан общими демократическими условиями политической жизни.

И партия рабочих и крестьян и Советская власть, опирающаяся на эти классы, ни в коем случае не могли ставить вопрос об обороне страны в зависимости от прилива добровольцев. Мы пришли к временному применению добровольческого принципа только потому, что переживали самый острый, переломный момент революции, когда старая армия распалась и распылилась, а вместе с тем распался и распылился старый аппарат военного управления как в центре, так и на местах.

Для того, чтобы набирать новую армию по законам, диктуемым интересами трудящихся классов, для этого нужно было прежде всего, чтобы, во-первых, старая армия окончательно рассыпалась по трудовым классовым ячейкам и превратилась бы в сырой материал, из которого затем можно будет строить новую социалистическую армию, а, во-вторых, чтобы был предварительно создан аппарат военного управления в центре и на местах, который мог бы взять на учет весь наличный человеческий материал и закономерно, планомерно привлекать его к несению наивысшей из всех гражданских повинностей—к несению повинности по охране Советского Рабочего и Крестьянского режима и Отечества.

Вот почему, товарищи, в тот момент, когда мы еще не успели создать органов для учета призыва и обуч. нов. кадров, но вместе с тем, когда нельзя было ждать, ибо враги наши, внутренние и внешние, не дремали, нам осталось лишь обратиться к народу и сказать: „вы, рабочие, вы, крестьяне, которые видите трудное положение Советской власти, вашей власти, откликнитесь, и те из вас—из рядов старой армии, с заводов и из деревень, которые хотят спасать социалистическое отечество, немедленно вставайте под знамя Красной Армии на началах добровольческих".

Это не было принципом, который мы отстаивали и проводили.

Это была необходимая компромиссная мера для данного момента, ибо не оставалось никакого другого выхода. Но если вы возьмете все наши принципиальные заявления со времени октябрьской революции, все наши программные речи, то вы тогда сможете установить, что мы именно так и оценивали принцип добровольчества, как временную меру, как паллиатив, как меру, стоящую в принципиальном противоречии с задачами построения настоящей рабочей и крестьянской армии.

Вот почему мы задались задачей прежде всего создать орган военного управления на местах, орган учета, призыва, формирования и обучения. Местные военные комиссариаты не являются отделами местных Советов, а находятся в иерархическом подчинении один другому, вплоть до военного комиссариата по военным о делам.

8 апреля мы провели декрет о создании волостных уездных, губернских и окружных комиссариатов.

Окружные комиссариаты подчиняются Народному Комиссариату по военным делам.

Это, товарищи, важнейшая военно-административная реформа, без добросовестного и точного проведения ее на местах мы никакой серьезной мобилизации не проведем, даже тогда, когда условия для нея улучшатся,—а они улучшатся в тот момент, когда мы соберем новый урожай.

На создании ядра отражается общее положение в стране, ее экономическое положение, состояние продовольственных запасов и путей сообщения и т. д. Я проникнут той же верой, которая, я уверен, живет в каждом из нас, что мы со всеми трудностями [illegible] справимся, все преодолеем, чтобы создать [illegible] обстановку для укрепления Советской Республики.

Но сейчас, [illegible] нам необходимо создать аппарат военного управления в уездах, волостях, губерниях и округах. У нас это не везде имеется. Я уже не говорю [illegible] комиссариаты. Они созданы лишь в незначительном меньшинстве волостей. Но и уездные комиссариаты [illegible] не вполне организованы, не имеют всех отделов и не всюду обладают тем штатом, который нами утвержден, [illegible] не имеют специалистов. Даже губернские комиссариаты в некоторых местах хромают на одну, а то и на обе ноги и не имеют достаточного количества компетентных работников, авторитетных и крепких комиссаров. А без всего этого, [illegible] мы, разумеется, никакой армии создать не можем.

Нужно, далее, чтобы каждый комиссариат хорошо помнил свою иерархическую зависимость от комиссариата, стоящего выше над ним: волостной от уездного, уездный от губернского, губернский от окружного, окружный от центра, от Москвы. Это простая механика, но ее нужно помнить, а между тем это не всегда соблюдается. Советский централизм находится еще в зачаточном состоянии, а без него мы ничего не создадим ни в военной, ни в продовольственной, ни в других областях.

Армия по своему существу есть строго-централистический аппарат, тесно связанный нитями со своим центром. Нет централизма—нет армии.

Разумеется, вы слышали утверждение, будто нам и не нужна армия, построенная на научных началах, а нужны партизанские дружины. Но это все равно, как если бы нам сказали: «Рабоче-крестьянскому правительству не нужны железные дороги, будем пользоваться гужевым путем, да-

вайте отбросим пароходы, будем в лодках на веслах плавать, отбросим паровые плуги, где они имеются, и вернемся к сохе Андреевне, перейдем вообще на режим XVII—XVI столетия,—потому что возвращение к партизанским отрядам есть скачок на целое столетие назад».

Да, действительно, когда мы работали в подполье, мы создавали партизанские отряды, но и в них мы стремились внедрить максимум централизации и единства действий. Однако мы завоевали власть не для того, чтобы продолжать кустарническим способом ковыряться к своей цели, а чтобы, взяв в свои руки весь централизованный государственный аппарат, построить его на новых началах, в аппарат угнетенных и униженных вчера еще масс. Дело идет о величайшем историческом опыте, который вы должны разрешить, об опыте постройки рабоче-крестьянского государства и хозяйства, рабоче-крестьянской централизованной армии.

Для этого мы должны ввести строжайший Советский централизм, но, к сожалению, на местах сплош и рядом мы встречаем противодействия, и психологически это понятно: при господстве старого бюрократического централизма, который душил всякую свободную инициативу, всякую личность, создалось такое настроение, что теперь, когда мы сбросили старый бюрократический аппарат, нам кажется, что каждый из нас может действовать вполне самостоятельно. Мы сами все умеем и сами все будем делать, а на центр мы привыкли смотреть, как на помеху и угрозу. К центру вы, товарищи, обращаетесь тогда, когда нужны деньги или броневики, а у всех волостей сейчас великая симпатия к броневикам и нет такой волости, которая не требовала бы, по крайней мере, дюжины броневиков.

Но мы можем давать лишь тогда, если вы умеете брать и держать все это в руках. Нужно положить предел тому порядку, когда из уездов посылают делегатов в Москву чуть ли не за каждой портянкой, думая, что так будет скорее. А это создает величайшую разруху и затруднения. Надо, чтобы губернские совдепы учили своих комиссаров наблюдать за уездными совдепами, чтобы направлялись все сметы

и ведомости через округа. Только таким способом мы нала дим военный аппарат, который может создать нам армию.

Разумеется, этот военный аппарат—только скелет административный. Для того, чтобы создать армию, необходимо при помощи этого аппарата привлечь живой, творческий, человеческий элемент, элемент сознательный—в этом и заключается отличие нашей армии от старой. И та армия была, главным образом, крестьянской, но крестьяне были безсознательны, темны, их брали и они шли туда, куда их вели, не рассуждая. Дисциплина была массовидной, она не проходила через индивидуальное сознание каждого отдельного солдата.

Теперь часто жалуются, и мы жалуемся, что дисциплины нет. Старая дисциплина нам не нужна, когда каждый темный крестьянин и рабочий был пригнан к своему полку, к своей роте, к своему взводу и шел, не спрашивая себя, зачем его берут, зачем заставляют проливать кровь. В этом темном крестьянине и угнетенном рабочем революция пробудила человеческую личность и это главное, величайшее завоевание революции.

Революция дала крестьянам землю, революция дала рабочему и крестьянину власть, это огромные завоевания, но нет более важного завоевания революции, как пробуждение в каждом угнетенном, униженном человеке человеческой личности.

Этот процес пробуждения личности принимает на первых порах хаотическую форму. Если вчера еще крестьянин не считал себя человеком и по первому приказу начальства готов был слепо итти проливать свою кровь, то теперь он не хочет слепо подчиняться. Он спрашивает: куда меня зовут, зачем меня зовут? и заявляет: не пойду, не хочу подчиняться. Он так говорит потому, что в нем впервые пробудилось сознание своего человеческого достоинства, своей личности, и это сознание, слишком яркое, неперебродившее еще, принимает анархические формы.

Нам нужно достигнуть такого соотношения, когда каждый крестьянин, каждый рабочий сознавал бы себя человеческой личностью, каторая имеет право на уважение, но и

чувствовал бы себя частью трудового класса республиканской России и был бы способен бозотговорочно принести свою жизнь в жертву этой Советской Республиканской России.

Если раньше трудящийся человек не ценил себя, то теперь он забывает и не ценит целого. Нужно помнить о целом, нужно помнить об интересах всего класса трудящихся, о трудовом, нашем, рабочем, социалистическом отечестве.

Это и есть тот психологический цемент, при помощи которого мы можем создать новую армию, настоящую. Советскую, сознательную армию, связанную дисциплиной, прошедшей через головы, а не просто дисциплиной палки. Вот такую дисциплину мы проводим и другой дисциплины мы не хотим знать.

Но для этого необходимо иметь централизованный аппарат.

Я ответил в самом начале, что принцип демократии— это принцип общей мобизизации, а так как мы этого не вводим, то на нас сыплется много нападок со стороны буржуазных газет и буржуазной политики. От нас требуют, чтобы мы ввели всеобщую воинскую повинность.

Всеобщая воинская повинность,—это необходимый режим для эпохи мирного демократического строя. Но мы живем в условиях открытой гражданской войны класса против класса. Это основной факт, из которого мы исходим. Хорош этот факт или плох, мы не будем говорить. Гражданская война не есть принцип, а факт, подготовленный веками исторического развития, веками угнетения трудящихся, которые восстали против этого угнетения. С этим фактом мы не считаться не можем.

Гражданская война беспощадно рассекает национальную оболочку. Имущие классы в любой момент готовы протянуть руку любому насильнику-иностранцу, чтобы раздавить рабочих и крестьян своей страны. Это тоже факт, который нашел себе подтверждение на Украине, на Дону, на Мурмане и на побережьи Волги. Везде буржуазные классы относятся к власти рабочих и крестьян с гораздо большей ненавистью,

чем к власти германских или англо-французских империалистов или чехо-словаков, ставленников французской биржи.

Раз гражданская война у нас есть, то естественно, что мы не заинтересованы в том, чтобы вооружать наших классовых врагов, которые в то же время являются союзниками всех наших внешних врагов. Мы не хотим вооружать буржуазию, которая готова поставить полученное оружие на службу иностранному империализму.

Мы отвергли учр. собрание, потому что эта демократическая оболочка является лишь пустопорожней формой там, где класс стоит против класса и вопрос о власти решается оружием. И всеобщая воинская повинность в данный момент, в данных условиях, является такой же пустопорожней оболочкой.

Всеобщая повинность на деле вылилась бы для буржуазии в повинность побежать к Краснову, на Урал, к чехословакам, соединиться со всеми врагами и броситься на нас, а повинность для нас в том, чтобы сломить буржуазию и наших внешних и внутренних врагов. (Бурные аплодисменты).

Этим определяется тот принцип, на котором мы строили нашу армию. Мы включаем в нашу армию рабочих и крестьян, наша армия—отражение Советов, отражение Всероссийского Съезда Советов. Понятно, что буржуазные агенты—с.-р. и меньшевики—жестоко нападают на наш метод создания армии. Конечно, наша армия им ненавистна, так как она является орудием Советского строя. Повторяя приведенные уже мною слова немецкого теоретика, что война и армия являются отражением общей политики, мы можем сказать, что при Советской рабоче-крестьянской политике необходимо иметь Советскую красную рабоче-крестьянскую армию.

Но среди крестьян и рабочих ведется агитация, что вот, дескать, Советская власть возлагает на вас воинскую повинность, а буржуазию и помещиков от этого освобождает. На этот аргумент вы, товарищи, должны отвечать: „В эпоху, в которую мы живем, винтовка не бремя, а привиле-

гия, монополия господствующего класса". (Бурные аплодисменты).

За недостатком времени и за неимением еще вполне законченного военного аппарата, мы до сих пор не успели привлечь буржуазию к несению тягот, от которых буржуазные классы, конечно, не должны быть избавлены. Но вы знаете, что в Совете Народн. Комиссаров разрабатывается и в ближайшие дни, надеюсь, будет проведен ряд декретов, которые привлекают буржуазию к несению соответствующей тяготы. Из буржуазии будут сформированы тыловые ополчения, рабочие и служебные команды. (Аплодисменты).

Нам говорят, что это жестоко. На это мы отвечаем: если буржуазная молодежь докажет на деле, что она предана крестьянскому и рабочему классу и готова вместе с нами жить, из одного братского котла есть, готова отражать наших внешних и внутренних врагов, то для такой молодежи мы, разумеется, широко и свободно откроем ворота красной армии. Но те, из кого революция не вытряхнула еще мысли о восстановлении помещичьей и буржуазной власти,—те нуждаются в широкой выправке. Мы скажем: „Деды, прадеды и отцы наши служили вашим прадедам и отцам, подчищали грязь и навоз, а мы вас заставим подчищать грязь. (Аплодисменты).

До тех пор, пока вы не признаете, что Советская Россия есть страна трудового равенства, трудовых обязанностей, гражданских и военных, до тех пор мы будем подвергать вас жестокой выучке. (Аплодисменты).

Но для практического разрешения этого вопроса необходимо создание военных комиссариатов на местах, повсеместный учет и контроль как рабочего класса для привлечения в армию, так и буржуазии—для привлечения в тыловые команды.

Вопрос о всеобщем обучении военному делу разрешается нами, как я уже сказал, на основе общего принципа Советского режима. Мы приступаем, и уже приступили, к обучению военному делу всех рабочих и всех крестьян, не эксплуатирующих чужого труда. Но эти колоссальные кадры,

которые должны пройти через нашу школу обучения, еще не армия, а лишь тяжелые резервы, которые могут быть привлечены в критическую минуту. Между тем нам необходимо сейчас иметь основное ядро армии, которое было бы боеспособным в каждую минуту. Этот боеспособный кадр мы составляли до сих пор путем добровольчества, но от этого принципа мы должны отказаться и практически пришли к методу принудительной военной мобилизации.

Мы сделали пока один практический законченный опыт. Здесь, в Москве, мы произвели мобилизацию двух возрастов —1896——97 гг. Как всегда, во всех буржуазных закоулках и подворотнях шушукались, что наш опыт ни к чему не приведет, что ни один рабочий не явится. Вы знаете, товарищи, что мы не прибегли ни к одной мере насилия, ибо в этом не было никакой надобности: рабочие все явились, как один человек, и мы взяли из числа явившихся то количество тысяч, которое было нам нужно, и из них мы создадим прекраснейшие боевые полки.

Вы знаете, что Сов. Нар. Ком. предписал Петроградской коммуне произвести такую же мобилизацию двух возрастов—1896—97 гг. У нас дополнительно производится мобилизация трех возрастов рабочих, принадлежащих к артиллерийским и инженерным войскам. Никто из вас, кто знает петроградский пролетариат, не усомнится, что мобилизация пройдет там безупречно. По общему декрету, без указания сроков, объявлена мобилизация в 50 уездах Поволжья, Урала, Сибири, Дона и Кубани, но там еще не вполне налажены военно-административные предпосылки для фактического проведения мобилизации.

Все эти наши частичные опыты являются только подготовительным шагом к объявлению закона о том, что каждый гражданин Советской Республики от 18 до 40 лет, в любой момент по призыву центральной Советской власти должен становиться под знамена для защиты этой власти.

Мы будем просить вас дать нам право, в интересах Советской Республики, мобилизовать по 2, по 3 и более возрастов, в зависимости от тех условий, которые будут на лицо.

Дав это право, вы, товарищи, раз'ехавшись на места, будете объяснять перед каждым собранием рабочих и крестьян, что для того, чтобы обороняться от врагов, чтобы не быть под гнетом империалистов, нам нужна военная сила. Те товарищи из левых с.-р., которые не ушли от нас и, надеюсь, не уйдут, останутся верными Советской власти,—это товарищи, которые, по их мнению, с особенной остротой ощущают гнет германского империализма на Украине (правда, они не так ощущали давление другого империализма), говорят: «Мы не хотим быть рабами»—вам мы говорим: «Мы тоже не хотим быть рабами, мы все хотим быть свободными гражданами Советской России,—поэтому, товарищи, не нервничайте, не занимайтесь истерикой, а стройте на местах роты, батальоны, полки рабоче-крестьянской армии. (Бурные аплодисменты.)

Если, товарищи, война и армия являются продолжением политики, то и политика со своей стороны является отражением силы армии.

Труднейшим вопросом создания красной армии является вопрос о командном составе. Кризис старой армии вызвал раскол между трудовыми массами и господствующим классом, а это привело к разрыву между солдатскими массами и офицерством. Это было неизбежно.

И рабочий класс и крестьянская масса не имеют еще навыка в управлении, не имеют достаточных знаний, необходимых во всех областях хозяйственного, государственного и военного управления. Это несомненный факт, на который мы не можем закрывать глаза. У нас мало инженеров, врачей, генералов и офицеров, которые представляли бы собой плоть от плоти или кровь от крови рабочего класса и крестьян. Они воспитывались в таких учебных заведениях, в такой атмосфере, что у них создалось убеждение, что трудящиеся массы не могут взять в свои руки аппарата государственной власти, что править могут только образованные буржуазные классы. В момент перехода власти к нам они в большинстве остались в стане наших врагов и лишь некоторые осторожно остались нейтральными и ждали в сторонке, кто победит, чтобы предложить победителю свои услуги.

Но отсюда, товарищи, нельзя делать того вывода, который делают наивные и поверхностные люди, что мы должны отказаться от услуг старого командного состава и должны обходиться собственными средствами. Иначе мы придем к партизанским отрядам.

Власть рабочего класса и крестьян начинается не там, где мы дубиной гражданской войны прогнали буржуазию и помещиков от аппарата государственной власти: власть начинается там, где мы этот аппарат взяли в свои руки и заставили служить задачам нашего собственного класса.

Царские пушки, царские пулеметы, инженеры, генералы, броневики, специалисты всех рангов и кадров—мы все берем на учет и заявляем: «Вот, господа, до сих пор все это было в руках имущих классов, а теперь потрудитесь служить рабочему классу»,

Нам говорят: „А если изменят?“ Разумеется, бывает измена. Разве железнодорожные тузы, всякие правленцы, не занимаются саботажем, призывом к стачкам? Разве не было позорнейших случаев, когда они задерживали передвижения наших красноармейцев? Сколько угодно.

Какой же отсюда вывод? Вывод не тот, что нам нужно отказаться от железных дорог, а тот, что нужно ловить саботажников и беспощадно душить; а честных инженеров, честных железнодорожных деятелей поддерживать. Совершенно то же самое относится к командному составу.

Среди вас, на местах, говорят: „Приглашают старых генералов“. А многие прибавляют: „Восстанавливают старый режим“, но когда начинается серьезное дело, нам телеграфируют: „Пришлите опытных специалистов, военных руководителей“. И есть среди военных руководителей, военных специалистов, есть, я утверждаю, целая категория лиц, которая сейчас служит добросовестно Советскому режиму, потому, потому что они видят, что этот режим твердый, крепкий, умеет себе подчинять. Не брать их на службу было бы жалким ребячеством. Наоборот, все военные специалисты, которые добросовестно исполняют наши предписания, должны встречать самую энергичную поддержку на местах. Местные

Советы и советские люди должны разрушать предразсудки и недоверие к ним, должны внушать: „Ты рабочий и крестьянин, ты держишь в руках правительственную власть, ты часть этой правительственной власти, офицеры и генералы —они тебе [illegible]

«А если, говорят, недоглядим». [illegible]

— Товарищи! [illegible] недоглядим,—в руках у нас вся власть,—то грош нам цена.

Что к нам [illegible] военными специалистами [illegible] таких, которые захотят свои посты [illegible] для контр-революционого заговора,—это возможно. Был такой случай—он имел место в Балтийском флоте, и [illegible] как он закончился.

Нам нужна не кустарническая, построенная на каком-то самодельном принципе, армия, а армия настоящая, централизованная, построенная на началах военной науки и техники. Для этого она должна иметь достаточные кадры военных специалистов.

Сейчас нет еще новых военных специалистов из среды рабочего класса. Поэтому мы привлекаем старых.

Среди кадровых офицеров, сознание и опыт которых формировались только за время войны и революции, есть много таких, для которых этот опыт не прошел бесследно. Они поняли, какой глубокий, органический процесс производит революция, что народ и армия выйдут другими из революции, что нужно другим путем и методом строит армию, и среди этого, молодого офицерства, есть не мало таких, которые нас поняли, и идут вместе с нами.

Вместе с тем, мы сделали все возможное, чтобы создать наше новое офицерство из среды тех рабочих и крестьян, которые прошли через школу войны, и у которых есть боевое, военное призвание. Мы их пропускаем через инструкторские курсы. Число этих курсов мы будем увеличивать с каждым месяцем и покроем ими всю страну.

В Москве, как я уже докладывал, в подавлении мятежа принимали участие наши завтрашние Советские офицеры, воспитанники инструкторских курсов. Они являются самыми

1062922
БИБЛИОТЕКА Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

преданными, самыми твердыми солдатами Советской власти. Поставленные во главе небольших войсковых единиц, взводов и рот, они будут оплотом Советского режима, таким оплотом, о который сломятся чьи бы то ни было происки в рядах красной армии.

Вместе с тем, мы открыли двери академии генерального штаба, ныне называющейся военной академией, для лиц лишенных ценза. Раньше в академию могли поступать только военные специалисты, с определенным образовательным цензом. Мы сказали; каждый солдат, который, имет известный командный опыт, у которого есть подвижной мозг, известное воображение, способность комбинировать военные задания,- может быть допущен в военную академию. Через месяц, два, три мы определим,—по силам ли ему эта работа. Если нет, он переводится на подготовительные курсы, потом снова перейдет в военую академию. Мы послали туда около 150 новых воспитаников, которые являются преданными солдатами Советской власти и первый выпуск этих офицеров генерального штаба даст нам наша академия в течение ближайших 10—12 месяцев.

Создавая новый командный состав из среды тех классов, которые теперь призваны к власти, мы пока будем использовывать старый командный состав во всех его здоровых частях, давая представителям этого старого командного остава возможность широкой работы.

Говоря о трудностях, с которыми мы встречаемся в создании новой армии, я должен указать, что самая большая из них, это ужасное местничество,—местный патриотизм. Происходит перехват, захват, укрывательство военного имущества, учреждений, всего, чего угодно, органами местной Советской власти.

Каждый уезд, чуть ли не каждая волость считает, что Советская власть будет лучше ограждена, если в пределах данной волости будет сосредоточено, как можно большее количество авио-имущества, радио-имущества, винтовок, броневиков—и все стремятся это имущество укрывать, и

не только в провинции, даже в центрах, даже в петроградских районах до сих пор наблюдается это ребячество.

Само собою разумеется, что с точки зрения общегосударственной, нам необходимо иметь все наше военное имущество на учете. Оно осело в процессе демобилизации старой армии, без всякого плана, в разных местах и там рассасывалось, разбиралось, расхищалось, распрадовалось. Оно должно быть извлечено, взято на учет, передано по инстанциям, сосредоточено в складах, чтобы быть в распоряжении всей страны.

Неужели не понятно, что какой-нибудь Царево-Кокшайский уезд, или любая волость, гораздо лучше будут ограждены от внешних врагов и контр-революции, если центральная Советская власть будет иметь на учете и в своих руках все снаряжение и вооружение, чем если военные запасы будут находиться в волости, не умеющей с ними ни справиться, ни распорядиться? Мы посылаем телеграммы, жалобы в губернские Советы на эти непорядки, но в 9 случаях из 10 не встречаем достаточно активной поддержки с вашей стороны, товарищи, на местах.

Необходимо этому положить конец, необходимо строжайшим образом бороться против того, чтобы местные Советы перехватывали и присваивали и утаивали военное имущество.

Есть целый ряд и других затруднений, более общего характера. Здесь у меня большое количество донесений, полученных только за сегодняшний день. Я вам читать их всех не стану, возьму лишь на выбор, для примера, некоторые из них.

Вот телеграмма из Устьманского уезда, Тамбовской губ. «Организация красной армии идет с большим трудом В ряды армии записалось очень мало. Упорную агитацию против Советской власти ведут кулаки и в некоторых волостях кулаки разогнали Советы. Вообще усилено ведется контр-революционная агитация».

Те самые кулаки, которые разрушают продовольственную организацию, укрывают хлеб, они же ведут борьбу и

против красной армии. Это означает, что красная армия есть не что иное, как отражение всего Советского режима и наталкивается на те же трудности, на тех же врагов.

Вот из Вятки: «Дело по организации красной армии [illegible] удовлетворительном состоянии. Беднейшее крестьянство [illegible] создании новой красной армии хорошо. На [illegible] принесена резолюция с приветствием [illegible] красной армии. Среди красноармейцев [illegible] но зато относительно железнодорожников [illegible] нельзя. Среди них ведется контрреволюционная [illegible] Воен. Комиссариат только теперь стал учреждаться».

Там, где железнодорожники представляют собою старые черносотенные кадры, где они идут на поводу у своих правлений, там они восстают против Советской власти и против Советской рабочей и крестьянской армии.

Из Калеевской волости, Волоколамского уезда, Московской губ., я получил сообщение о том, что там крестьяне одной деревни заявили, что все состоящие на службе в рядах красной армии должны немедленно оставить свою службу и к 30-му июня обязаны вернуться в свои деревни. Неисполнившие их постановления будут лишены крестьянского состояния (так говорится в постановлении) и не будут приняты в деревню. Это доносит один из комиссаров и говорит, что это произвело очень тяжелое впечатление на красную армию. Я, товарищи, пользуюсь этой высокой трибуной Всероссийского Съезда Советов, чтобы кулакам и черносотенцам Калеевской волости, Волоколамского уезда, дать первое предостережение. Лишать красноармейца крестьянского состояния они не имеют права. Они сами будут лишены всякого состояния, если посмеют восстать против создания рабоче крестьянской армии. (Аплодисменты.)

На местах идея обязательной воинской повинности встречает, по тем сведениям, какие мы имеем от наших комиссаров, в большинстве случаев вполне благоприятное отношение со стороны рабочих и со стороны крестьянской бедноты. Так, я получил телеграмму от нашего окружного

комиссара относительно ярославского губернского съезда. Он пишет, что ярославский губернский съезд приветствует последний декрет о всеобщей воинской повинности и считает, что одной из главных задач [illegible] переживаемого момента, — является [illegible] ское обучение и вооружение по [illegible] науки рабочей и крестьянской [illegible] убежден, что Советской России [illegible] ветные желания, и впредь быть [illegible] вить всем империалистам мира не только идейную [illegible] евую вооруженную силу. [illegible] Нахимсон.

Нахимсон был нашим окружным комиссаром [illegible] в Ярославле во время белогвардейского [illegible] ним из преданнейших работников Советской власти, а [illegible] из лучших наших комиссаров. Ту идею, которую он здесь изложил, мы будем осуществлять и будем создавать технически вооруженную по последнему слову науки и прекрасно обученную рабочую и крестьянскую армию. (Аплодисменты)

Я должен сказать, что к этому приходят все те, кто раньше в этом сомневался: В областном Комитете Северо-Западной области были товарищи, которые относились с некоторым недоверием и критикой к нашему стремлению построить армию на рациональной военной науке, с привлечением необходимого числа специалистов. Я получил оттуда, именно от них, телеграмму, которая требует теперь установить строжайшую дисциплину, привлечь необходимое количество старых военных специалистов, принудительно привлечь на особых условиях на военную службу всех тех офицеров, которые разбросаны по разным другим комиссариатам и занимаются разной другой работой, и создать новые кадры военных руководителей из Советских рядов.

Я могу назвать имя одного из прекраснейших работников Советской власти—т. Мясникова, который раньше сам относился, если не с недоверием, то с выжиданием к применяемым нами методам создания рабоче-крестьянской армии. Я не знаю,—здесь ли он хотел выступить по этому

вопросу.—Теперь, путем опыта, он пришел к тем же выводам, что и мы и хотел публично доложить об этом С'езду.

Нам чаще и чаще приходится слышать, что те советские работники, которые иногда открыто, или по углам, брюзжали на нас за то, что мы создаем армию настоящую, а не игрушечную, не кустарную, не какие-нибудь отряды милиции, теперь становятся на нашу точку зрения. Те же, кто протестует против этого, те не поняли до сих пор, что рабоче-крестьянский класс стоит у власти, и именно поэтому, все, что мы делаем, это не самодельное, не кустарное, а на твердых, научных началах построенное.

Брюзжание надо отбросить. Нас пугают: „Вот мы приглашаем старых генералов, а красноармейцы услышат и подумают, что мы их приглашаем, чтобы воссоздать старый режим". А мы говорим: „Ты, рабочий и крестьянин взял власть? Ты хочешь, чтобы мы ее укрепляли?—это мы можем, но необходимо создать и такие условия, в которых мы можем работать. Мы для этого должны приглашать специалистов. Чтобы создать армию рабочих и крестьян, нам нужно генералов, а если у нас есть ошибки и неудачи—все под Богом ходим,—если мы видим, что такой генерал ведет контр-революционную работу, мы его арестуем.

Но нужно индивидуально рассматривать каждый случай, а не отбрасывать огульно всех специалистов. К счастью, рабочие и крестьяне понимают, что для создания дела на новых началах нам без специалистов не обойтись. Если бы буржуазный инженер, приглашенный на фабрику, вздумал в своих действиях руководствоваться мыслью, что промышленность ведет к капитализму, то, разумеется, рабочее правление показало бы ему, что это не так. И каждому военному специалисту мы это показывали и показываем. Но наша задача—создать механизм нового строя. Эта задача не так проста.

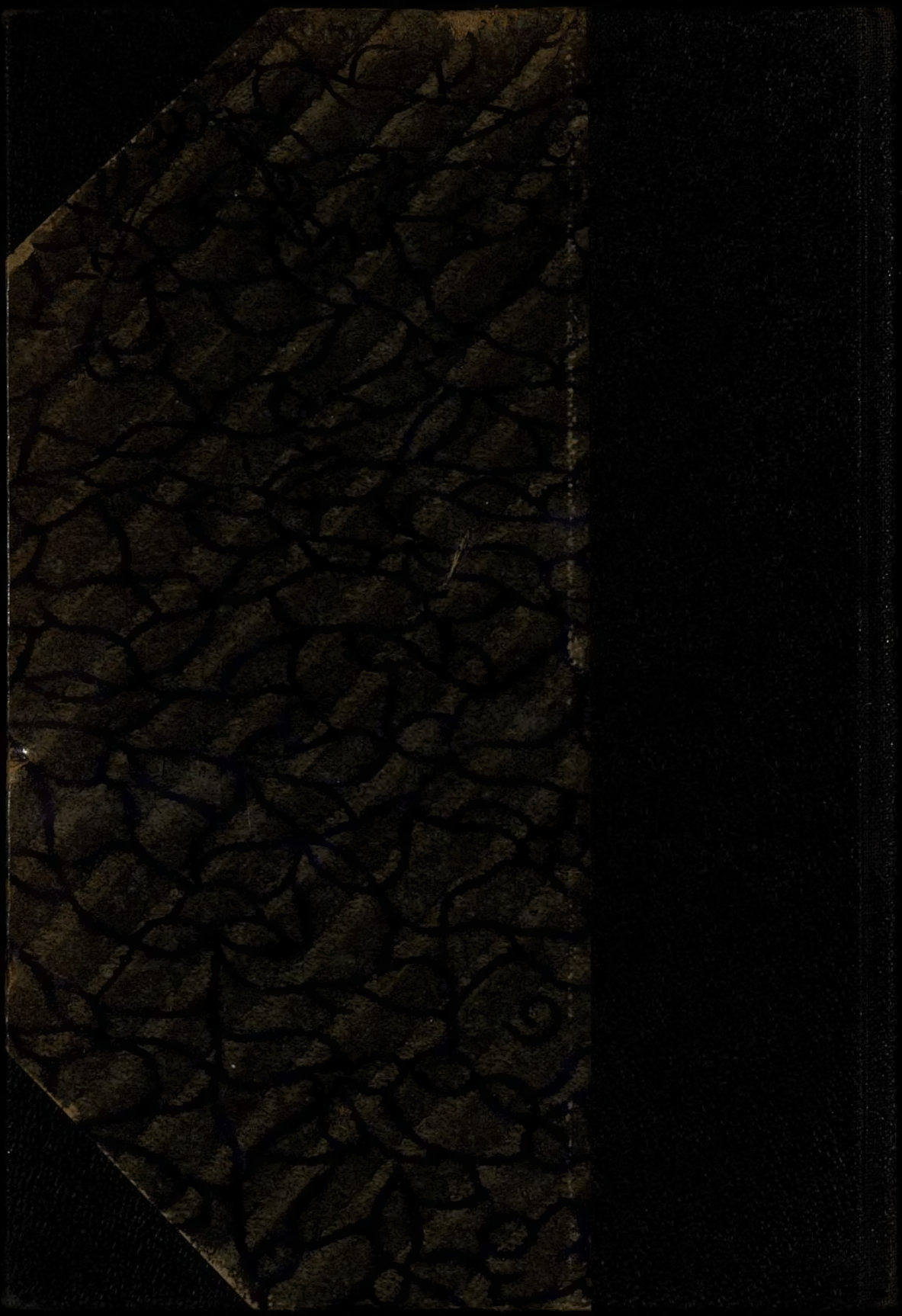
Если царскому режиму удалось создать армию, удалось создать дисциплину в той армии, которая служила не народу, а своим врагам, то мы, создавая армию для защиты народных интересов, не сомневаемся, что нам удастся создать

в 10 раз более прочную дисциплину. Нужно только преодолеть болезнь молодости, болезнь роста, расхлябанности и слабости, которые являются последствием проклятой войны и царского режима.

Сумеем ли мы это сделать? Это вопрос существования нашей власти. Если не сумеем значит, рабочий класс должен протянуть шею под старое ярмо.

Но мы эту мысль отбрасываем. Мы знаем, что рабочий класс преодолеет все трудности и сумеет продержаться эти труднейшие несколько недель, когда ваши враги напрягают все усилия, прибегая к восстанию, мятежам, задерживая продовольствие, задерживая поезда, стремясь внести повсюду разложение, когда все партии исчезли и слились в одну, задавшуюся целью сбросить рабоче-крестьянскую власть, когда все средства пущены в ход, и клевета, и саботаж, и призыв чужестранных штыков.

Мы уверены, что вы здесь, набравшись новой энергии, новой воли и власти, увезете с собой на места с этого С'езда уверенность в том, что никакая сила нас сокрушить не может, ибо мы все тесно связаны друг с другом. Новая, более тесная связь—это наша рабоче-крестьянская армия, которая будет расти, укрепляться, упрочиваться.

Мы будем формировать новые и новые кадры рабочих и крестьян, а вы будете на местах нас поддерживать, отбрасывая всякое местничество, понимая, что Советская Россия есть единый цельный организм, что армия—одна из частей этого организма, что необходима твердая дисциплина и твердая последовательная политика для укрепления рабоче-крестьянского, социалистического строя. (Продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию.)

Заказ № 55/7а